

канье, топотъ и звонъ бутылокъ дополняли эту вакхическую картину.

Діодору, глядя на все это, тоже хотѣлось напиться до безчувствія, но онъ удержался отъ искушенія и до конца стойко выдержалъ эту пытку, которой подвергается всякій трезвый человѣкъ, нечаянно затесавшійся въ пьяную компанію. И теперь онъ только жалѣлъ о томъ, что поѣхалъ. Но давеча ему было такъ скверно, что онъ готовъ былъ на все, чтобы только забыться и уйти куда-нибудь отъ самого себя. Поэтому онъ даже съ удовольствіемъ принялъ предложеніе поѣхать къ Щепоткину. Все-таки новыя лица, новыя впечатлѣнія,—все это сулило ему нѣсколько минутъ забвенія. Но зрѣлище по истинѣ звѣриной жизни разбогатѣвшаго торговца и его жалкой любовницы еще болѣе разбило его наболѣвшіе нервы.

„Вотъ какъ у насъ въ Тюрьмѣ-то живутъ!“ — крикнулъ имъ на прощанье Щепоткинъ, и это восклицаніе, въ которомъ хозяинъ хотѣлъ высказать полное довольство своей жизнью, болѣзненно стояло въ ушахъ Діодора.

„Звѣри, звѣри! — думалъ Діодоръ. — Жалкіе, несчастные звѣри, исполнѣ довольные той грязью, въ которой обитаютъ. Сколько надо времени и сколько силъ, чтобы хоть только заставить ихъ понять, что ихъ жизнь — грязь. Да и будетъ ли это когда-нибудь, наступитъ ли для нихъ минута горькаго сознанія? Прежде вѣрилось... но какъ давно это было! Когда еще я мальчишкой убѣгалъ въ дебри Тюрьмы отъ стонów и воплей истязуемыхъ рабовъ. И все-таки вѣрилось, а теперь — смѣшно сказать! — теперь, когда рабы свободны, — не вѣрится. Правда, рабство духа страшнѣе рабства тѣла. А теперь вѣдь только тѣло свободно, — духъ по прежнему закованъ въ цѣпи“...

Въ эту минуту они спустились въ лощину и окунулись въ мягкія влажныя волны тумана. Мысли Діодора приняли другой оборотъ.

„А вотъ и моя жизнь! — подумалъ онъ, глядя на причудливые извивы тумана. — Призрачная, измѣнчивая, непостоянная, какъ фата-моргана. Вотъ, кажется, мелькнетъ что-то впереди... Сады, деревья, дворцы, воды — но мигъ — и все исчезло, и опять одна знойная степь разстилается кругомъ. Сначала было — по-весло. Университетъ, книги, лекціи и гордыя мечты перевернуть весь міръ по-своему. И вдругъ какая-то глухая исторія — и все рухнуло, и опять Тюрьма и глушь... Потомъ опять что-то блестящее. Артистическая карьера, вѣнки, рукоплесканія, слезы растроганной толпы... И опять все рухнуло. Смолкли рукоплесканія,